

20. **Панфилов В. А.** *Философия математики Декарта*. - Днепропетровск, 2001.
21. **Рассел Б.** *История западной философии*. - Ростов/Д., 1998.
22. **Реале Д., Антисери Д.** *Западная философия от истоков до наших дней: Т. 3, Новое время (от Леонардо до Канта)*. - СПб., 1996.
23. **Скирбекк Г., Гилье Н.** *История философии*. - М., 2001.
24. **Соколов В. В.** *Европейская философия XV-XVII веков*. - М., 1996.
25. **Спиноза Б.** *Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом//Спиноза Б. Избранное*. - Мн., 1999.
26. **Татаркевич В.** *Історія філософії. Філософія Нового часу до 1830 року*. - Львів, 1999.
27. **Фейербах Л.** *История философии Нового времени от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы // Фейербах Л. История философии. Собрание произведений : В 3-х т. - М., Т. 1, 1974.*
28. **Хайдеггер М.** *Европейский нигилизм //Хайдеггер М. Время и бытие*. - М., 1993, С. 63-176.
29. **ШеллингФ. В. Й.** *К истории новой философии // ШеллингФ.В.Й. Сочинения : В 2-х т. - М., Т. 2, 1989, С. 387-560.*
30. **Шеллинг Ф. В. Й.** *Система мировых эпох*. - Томск, 1999.

Сергей Секундант (Одесса)

ЛОГИКА И МЕТАФИЗИКА У ЛЕЙБНИЦА

Статья вторая

Итогом дискуссии, развернувшейся вокруг наследия Лейбница в начале двадцатого века, стало полное признание приоритета метафизической проблематики и метафизических принципов в творчестве Лейбница. Этому способствовала и вышедшая после войны книга Ингетруд Папэ, в которой была предпринята попытка дать метафизическую интерпретацию лейбнизианской концепции истины. И. Папэ, в частности, отправляясь от того факта, что у Лейбница объектом необходимых истин являются сущности, а случайных - существующие вещи, утверждает, что в основе деления истин на необходимые и случайные лежит не способ познания, а чисто онтологическое различие предметов, на которые могут распространяться эти истины [12, S. 30]. И поскольку эти предпосылки присущи схоластической философии, она вслед за Х. Хаймзётом характеризует концепцию истины Лейбница в целом как «замечательный сплав средневеково-схоластической традиции с мироутверждающей традицией немецкой христианской философии» [12,

* Першу статтю було опубліковано в *Sententiae VIII-X*, 2003, № 1-2, 2004, №1, С. 105-120

S. 34]. Работа И. Папэ была направлена против сторонников логико-методологической интерпретации философии Лейбница и прежде всего против Э. Кассирера, который пытался доказать, что «для Лейбница последним критерием и высшим понятием, из которого следует выводить достоверность всего нашего познания, является не столько понятие Бога, сколько понятие истины» [2, S. 51] Поэтому указание на наличие метафизических предпосылок в концепции истины Лейбница многими было воспринято как убедительное доказательство приоритета метафизики.

Не внесла существенных корректив в полемику и вышедшая в семидесятые годы книга Арона Гурвича «Лейбниц. Философия панлогизма». Он не ставит уже вопрос о зависимости метафизики Лейбница от его логики и выступает против истолкования метафизики как расширенного и обобщающего перенесения логики на область онтологии. А. Гурвич отказывается рассматривать панлогизм как ответ на вопрос о происхождении и зависимости метафизики от логики. «Для нас панлогизм, - пишет он, - скорее означает учение о том, что в универсуме, взятом как в целом, так и в своих отдельных частях, т.е. во всем, что в нем существует и происходит, отражена и реализована некая логика. Универсум понимается как воплощение логики. Сообразно принципу логико-онтологического тождества всякую логическую структуру можно перевести в онтологическую и, наоборот, всякую онтологическую структуру - в логическую» [3, S. 3-4]. А. Гурвич открыто подчеркивает, что под «панлогизмом» он понимает взгляд Лейбница на универсум, а не способ истолкования его философии, как это имеет место у Л. Кутюра. Так понимаемый панлогизм, базирующийся на метафизическом принципе тождества логического и онтологического, является скорее аргументом в пользу приоритета метафизики над логикой, чем логики над метафизикой.

Несмотря на не совсем утешительные результаты исследования проблемы, полемика, развернувшаяся вокруг вопроса о соотношении логики и метафизики у Лейбница, оказалась очень полезной и плодотворной в плане прояснения основных принципов историко-философского исследования. Уже В. Кабиц выдвинул ряд важных и полезных, на наш взгляд, требований, которые не может игнорировать ни один историк философии, стремящийся к адекватной интерпретации философских воззрений великих мыслителей. Он совершенно справедливо указывал на необходимость исторической реконструкции системы. Подобная реконструкция, согласно В. Кабицу должна включать в себя не только выявление теоретических источников и определение мотивов, которыми руководствовался мыслитель, но и рассмотрение поднятых им проблем и их решения в той последовательности, как они возникали из содержа-

ния личности самого мыслителя. Справедливым является и его указание на необходимость вычленения центральной проблемы всей философии Лейбница и определения основной идеи, лежащей в ее основе. Однако в ходе его полемики с Э. Кассирером выяснилось, что границы и интерпретация исторического контекста во многом зависят от тех задач, которые ставит перед собой историк философии. В своем фундаментальном труде о Лейбнице Э. Кассирер основную задачу свою видел в том, чтобы показать вклад Лейбница в исторический прогресс философии, который, как он был убежден, через Канта вел к неокантианской философско-методологической доктрине. Он исследовал философию Лейбница в контексте определенной перспективы, тогда как В. Кабиц, говоря об историческом контексте, имеет в виду историческую ретроспективу. «Перспективный контекст» не обязательно должен быть связан с определенной философской традицией. На это указывал Д. Манке, который с особой выразительностью подчеркивал, что философия Лейбница открывает многообразие перспектив. Этой точки зрения придерживаются и многие из современных исследователей творчества Лейбница. Так, например, И. Х. Хорн полагает, что метафизика Лейбница позволяет разрешить все те проблемы, которые не смогли решить ни Кант, ни Гегель, ни Шеллинг, ни какой-либо из современных философов, и в большей мере соответствует современному состоянию научного знания, чем какая-либо иная философская система [5, S. 8]. В. Кабиц не только ограничивается исследованием «ретроспективного контекста», но и затрагивает лишь ранний период формирования системы Лейбница, без достаточных на то оснований полагая, что уже в этот период им были сформулированы основные проблемы его метафизики и выработаны подходы к их решению. Его утверждение тем более удивительно, что его исследование не доходит до «парижского периода» Лейбница. Но именно после более основательного знакомства с французской философией Лейбниц начинает углубленно интересоваться математическими, логическими и гносеологическими проблемами. В этот период не только расширяется круг интересующих его проблем, но и происходят существенные изменения в приоритетах интересов, постановке и подходах к решению старых проблем. Именно в этот период на первый план выдвигается проблема достоверного познания истины и основной становится задача построения «доказательной философии». Спор В. Кабица с Э. Кассирером относительно того, какая проблема является центральной в философии Лейбница, может быть решена только при условии реконструкции архитектоники его системы. Такая реконструкция предполагает, в частности, осуществление проблемного анализа, основная задача которого состоит в том, чтобы установить взаимозависимость проблем и определить их место в системе в целом.

В. Кабиц полагал, что центральной является проблема индивидуальности, которая у Лейбница формулируется в качестве основной уже в первой его серьезной научной работе, а впоследствии трансформируется проблему субстанции. Связь между этими проблемами действительно существует, поскольку основным признаком субстанции для Лейбница является «неделимость», «единство». Однако постановка проблемы и предпосылки, из которых исходил Лейбниц при решении данной проблемы, в разное время у него были разными. На раннем этапе своего творческого пути Лейбниц еще стоит на позициях номинализма. Реально существующим он считает только то, что доступно чувственному восприятию. Тело он определяет как то, что я воспринимаю с помощью чувств („Corpus est aliquid quod ego sentio“) [6, VI.ii, S. 282]. В его рукописях, относящихся ко второй половине 1671 - первой половине 1672 г., мы встречаем утверждения, что „все, что воспринимается чувствами, существует“ („omne quod existere est sentiri“), что “без чувств ничего не существовало бы” (“sine sentientibus nihil existeret”) [4, S. 455].

Но уже в 1676 г. он ставит под сомнение сенсуалистическую предпосылку, что чувства свидетельствуют о существовании материальных тел. Материальные вещи для него не реальнее других, поскольку в их существовании можно сомневаться. Более того, с точки зрения содержания их существование само по себе ничем не отличается от сновидений, разве что яркостью красок (“Ex his patet tantum abesse ut res materiales sint realiores aliis, ut contra de earum existentia semper possit dubitari, aut potius nihil differt materialiter, seu in se eorum existentia, ab existentia somniorum etsi scilicet pulchritudine differant” (15 April 1676) [Цит. по: 4, S. 457] В этот период он начинает активный поиск критериев, которые позволили бы ему отличить реальные феномены от иллюзорных. В заметке, относящейся к апрелю 1676 г., он утверждает, что свое бытие мы чувствуем и воспринимаем, а о бытии тел мы можем говорить только тогда, когда мы имеем согласованные восприятия, входящие к некоторой постоянной причине. (“De corporibus et Mente nostra ipsum esse equivoce dicitur, nos esse sentimus seu percipimus, corpora esse cum dicimus, id volumus sensiones quasdam esse congruentes causam habentes consrantom particularem”) [Цит. по: 4, S. 457]. Примерно в 1677 г. Лейбниц приходит к выводу, что существование телесных субстанций вообще недоказуемо. В этой связи он замечает, что хотя явления существуют в нем, но отсюда не следует, что точно также существуют многие субстанции вне его как причины явлений, т.е. точно также и многие тела (“Certum est apparentias esse in me, sed non ideo sequitur totidem esse substantias extra me, quot videntur causae apparentiarum, id est totidem esse corpora”). На основании этого он отвергает допущение, что тела являются fundamentum in re явлений. Предме-

том физики являются не тела, а феномены. Достоверность опытного познания зависит от достоверности рассматриваемых им феноменов, но критерии их достоверности, согласно Лейбницу, следует искать не за пределами опыта, а в нем самом. В качестве такого критерия достоверности, как отмечалось выше, он указывает на согласованность явлений, но не случайную, а обусловленную единой причиной. Чем шире круг явлений и чем больше их согласованность, тем достовернее эти явления. Эту единую причину он называет субстанцией и в качестве основного признака субстанции он указывает то, что она является *ipsum per se* (единым самим по себе). Это единство, считает он, следует искать в нашей душе, а не за ее пределами. Субстанция для него может быть только духовной. В качестве примера субстанции он приводит в первую очередь наше Я, нашу душу, а затем уже пытается доказать, что Бог и другие духовные сущности являются субстанциями.

Понятие субстанции, бесспорно, становится центральным понятием его метафизики. Одна из основных функций этого понятия, согласно Лейбницу, заключается в том, чтобы обосновать согласованное единство, а следовательно, и достоверность явлений. Отличительной чертой его понятия субстанции является то, что оно должно соответствовать всему многообразию опыта. Традиционной, абстрактной метафизике он противопоставляет реальную метафизику, которую, как он считает, еще предстоит только построить. Для этого необходимо найти «основанные на разуме и подтвержденные опытом истины о субстанциях вообще» [1, Т. 2, с. 441]. Если учесть, что границы феноменального опыта постоянно расширяются, то поиск адекватного понятия субстанции превращается в бесконечную задачу. Опыт Лейбниц понимает не абстрактно, как Локк, а конкретно. Его понятие опыта включает в себя достижения всех естественных наук его времени и прежде всего механики. Метафизика, согласно Лейбницу, должна подготовить фундамент прежде всего для физики и, в частности, дать такое определение понятия субстанции, которое позволило бы последней спокойно опираться на опыт, не боясь впасть в заблуждение, непротиворечиво и доказательно объяснять его явления.

Мы видим, что проблема субстанции вырастает из проблемы достоверности явлений, которая является гносеологической и по сути выступает в качестве составной части проблемы достоверного познания истины. Именно поиск четких критериев, позволяющих отличить реальные феномены от иллюзорных приводит Лейбница в конечном счете к проблеме субстанции. В письме к С. Фуше Лейбниц, в частности, утверждает, «что пространство, форма и движение включают в себя нечто воображаемое и кажущееся, и хотя они воспринимаются более четко, нежели цвет и теплота, однако при более глубоком анализе... выясняется, что эти понятия содержат и нечто неясное и оказываются такими же мнимы-

ми, как чувственные качества или связанные сны, если только не предположить, что кроме них существует некоторая субстанция, суть которой состоит в чем-то другом» [1, Т. 3, с. 280]. Последовательный феноменализм ведет к скептицизму. Этим недостатком страдает, по мнению Лейбница, и система Локка, поскольку Локк, противопоставляя акциденцию и субстанцию, рассматривает последнюю как чистую выдумку [2, с. 250]. Реальная физика, настаивает Лейбниц, должна опираться на реальные феномены, которые возможны только как акциденции реальных субстанций. Поэтому в задачу метафизики входит обоснование не только достоверности, но и реальности объекта физики. Для метода Лейбница важно и то, что реальность субстанции не постулируется, а выводится из опыта. Реальной является только субстанция, которая соответствует опыту. В письме к картезианцу Б. Де Вольдеру он признается, что его рассуждения о субстанции нельзя еще подкрепить строгими доказательствами, но их можно рассматривать, как «ясную гипотезу, которая хорошо согласуется сама с собой и с явлениями» [10, S. 314]. Лейбниц никогда не мог согласиться с тем, что его понятие субстанции, да и вся метафизика, это только гипотеза и не более. Для него признание реальности субстанции - необходимая предпосылка реальной физики.

В вопросе о реальности субстанции Лейбниц придерживается принципа наблюдаемости. Познание субстанций осуществляется через их акциденции. В частности, познание Бога осуществляется через его результаты [1, Т. 2, с. 595]. Правда, здесь Лейбниц сталкивается с трудностью: тела, которые он рассматривает как феномены, протяженны, а их причины могут и должны быть непротяженными. Он признает, что это трудно представить, но это, считает он, возможно. Несоизмеримые числа, говорит он, тоже трудно представить, но их реальность, тем не менее, доказана. Следуя примеру математики, Лейбниц выступает против того, чтобы «совершать насилия над реальностями под тем предлогом, что что-де воображение не в состоянии их охватить» [1, Т. 2, с. 595] Хотя умозрительные идеи лежат за пределами чувственных образов, их реальность может быть доказана. Правда, признает он, дедуктивный вывод от феноменов к их причинам невозможен, поскольку дедукция не позволяет нам выйти за границы опыта. Впрочем, и дедукция из субстанции всех ее свойств, согласно Лейбницу, хотя и желательна, но практически невозможна. В поисках решения этого казалось бы чисто метафизического вопроса о реальности объектов умозрительных идей Лейбниц все же пытается прибегнуть к помощи логики. Только в качестве средства он использует не дедукцию, а логический анализ идей. Этот анализ он трактует как цепь определений, с помощью которой можно, по его мнению, доказать возможность объекта идеи. В частности, в письме к С. Фуше он

утверждает, что «рассуждать о чем-либо можно лишь после того, как мы убедились, что понятие, лежащее в основе рассуждений, возмо» [1, Т. 3, с. 280-281]. Определения, которые позволяют с уверенностью утверждать, что объект их возможен, Лейбниц называет реальными. Задача такого рода определений состоит в том, чтобы осуществить полный анализ понятия, вскрыв все его составляющие элементы и тем самым доказав его непротиворечивость. Если непротиворечивость понятия доказана, то можно утверждать, что объект возможен.

Первоначально Лейбниц считал, что это можно сделать с помощью обычного экстенционального метода определения, т.е. определения через ближайший род и видовое отличие. Но примерно начиная с 1680 г он ставит под сомнение возможность дать полный анализ понятия и постепенно от попыток дать экстенциональное определение понятия субстанции он переходит к интенциональным определениям. Отличие интенционального метода состоит в том, что оно позволяет всякую индивидуальную субстанцию подвести под все ее признаки, а не только под существенные, как это делает классическое определение. Экстенциональной логике схоластиков он противопоставляет интенциональную. Финский логик Р. Каупи [См.: 6], исходя из того, что Лейбниц использует обе логики, утверждает, что содержательная и объемная логика могут быть преобразованы друг в друга путем инверсии методов, а именно *metodus per individua* может быть преобразован в метод *per notiones seu secundum ideas*. Оба эти метода он рассматривает как два аспекта одного и того же процесса. Г. Шеперс, опираясь на эти утверждения Р. Каупи, приходит к выводу, что между традиционным и интенциональным анализом понятий, который он трактует как категориальный синтез, существуют те же отношения, что и между экстенциональной и интенциональной логикой. Он полагает, что если удастся показать, что между обоими методами, анализом понятий путем дефиниций и категориальным синтезом путем суммирования простых понятий, существует такая же обратная связь (*reziprok sind*), то по меньшей мере в этой области уместнее говорить о постоянном переплетении (*Verflechtung*) логики и метафизики, чем о происхождении логики из метафизики или наоборот [14, S. 46]. Сформулированная Лейбницем обоюдная зависимость объема и содержания понятия, по мнению Г. Шеперса, подтверждает это толкование. Самое бедное по содержанию понятие (*aliquid, cogitable*) у Лейбница является самым широким по объему; а единичная вещь, самое маленькое по объему, напротив, является самым богатым по содержанию. Если затронуть вопрос о связи логики и метафизики, то это можно выразить так: *notio simplex*, логически простейшее соответствует онтологически неопределенному, *Aliquid* (нечто) и *Nihil* (ничто); онтологически самое определенное *substantia singularis*, напротив, соответствует

логически самому сложному, *notio completa* (полному понятию). [14, S. 47]. Работу метафизика и логика он сравнивает с работой строителей туннеля: работая как бы с двух сторон они создают связь между простыми терминами и полностью определенными индивидуальными субстанциями [14, S. 47].

Лейбниц, действительно, сформулировал закон обратного отношения между содержанием и объемом понятия, согласно которому с ростом содержания уменьшается объем понятия (“*augendo condiciones minuitur numerus*”). Лейбниц также полагал, что всякий добавляемый признак делает понятие содержательно определеннее, а вместе с этим возрастает его реальность. Процесс определения выступает как процесс установления связи между понятиями. Чем больше связей, тем понятие определеннее, а следовательно, и реальнее его объект. Этот процесс продолжается до тех пор, пока мы не получим полное понятие (*notio completa*), т.е. такое понятие, к которому ничего нельзя более добавить и которому может соответствовать только один единственный объект (*substantia singularis seu individualis*). Именно потому, что под данное определение может быть подведен один единственный объект, полные понятия у Лейбница обладают наибольшей реальностью. Понятие «реальности» у Лейбница фактически становится синонимом логической определенности. Как справедливо подчеркивает А. Маршлих, «речь о том, что субстанция является онтологическим источником модификаций, для Лейбница потому осмыслена, что благодаря интенциональному способу определения она принципиально доказуема» [7, S. 185].

Г. Шеперс, как нам кажется, не принял во внимание те мотивы, которыми руководствовался Лейбниц, когда он от экстенциональных определений перешел к интенциональным. Основной его мотив как раз стоял в том, чтобы попытаться чисто логическими средствами решить метафизическую проблему реальности, не прибегая к онтологическим, т.е. метафизическим, предпосылкам. Уже Р. Каупи обратил внимание на то, что Лейбниц отдает предпочтение интенциональной логике. Согласно Р. Каупи, преимущество интенционального метода по отношению к экстенциональному Лейбниц видит в том, что он позволяет отвлечься от существования индивидов и избавиться тем самым от сложной схоластической проблемы „*de constantia subjecti*”. Говорить о «переплетении» области логического и метафизического неправомерно еще и потому, что Лейбниц вслед за К. Юнгом требовал четкого разграничения этих двух областей знания.

В предисловии к «Новым опытам о человеческом разумении» Лейбниц подчеркивает общность физики и метафизики как наук, исследующих область реального. Чтобы избежать ложных выводов, а к таковым Лейбниц относит утверждение Локка, что дух и тело являются модифи-

кациями одной и той же субстанции, он указывает на необходимость «проводить различие между физическим (или, правильнее, реальным) родом и логическим (или идеальным) родом» [1, Т. 2, с. 63-64] «Вещи, относящиеся к одному и тому же физическому роду, или однородные, - разъясняет свою мысль Лейбниц, - состоят, так сказать, из одной и той же материи и могут часто быть превращены друг в друга путем изменения модификации; таковы круги и квадраты. Но две разнородные вещи могут иметь общий логический род, и тогда их различия не являются простыми случайными модификациями одного и того же субъекта или одной и той же метафизической или физической материи» [1, Т. 2, с. 64] Эти философские различия двух видов родов, подчеркивает Лейбниц, являются «не чисто терминологическими, а коренятся в самих вещах» и уместны там, где «их смешение породило ложные выводы» [1, Т. 2, с. 64]. Таким образом, вопрос о соотношении логики и метафизики трансформируется у Лейбница в вопрос о соотношении реального и идеального. Объектом логики является идеальное, объектом физики и метафизики - реальное.

Несмотря на то, что и физика и метафизика имеют своим объектом реальное, было бы не совсем корректно говорить о их «переплетении». Лейбниц четко разграничивает и эти две области исследования реальности. У физики свой объект («опыты», «тела», «феномены», «действия природы») и предмет исследования («способ действия тел»), у метафизики - свой (первые начала, бестелесные сущности), свой концептуальный аппарат, своя проблематика, свои принципы и свой способ объяснения. Для объяснения явлений, считает Лейбниц, физика не нуждается в общих теориях и абстрактных понятиях. Ей незачем ссылаться на «формы и качества» при объяснении опытных данных. Она объясняет их либо посредством уже сделанных более простых опытов, либо путем геометрических и механистических доказательств [1, Т. 1, с. 133-134]. Математика и физика избегают запутанных вопросов, не имеющих практического значения. Разные у них и методы. Метод физики - это метод «действующих причин», метафизика же пытается объяснять явления, прибегая к «конечным причинам». Тем не менее, убежден Лейбниц, метафизика выполняет очень важную функцию в познании природы. Хотя метод «действующих причин» - более глубокий, но он и более трудный. Метод «конечных причин» более легкий и менее глубокий, но он, утверждает Лейбниц, позволяет нам часто отгадывать важные и полезные истины, которые трудно было бы найти на более подходящем для физики пути [1, Т. 1, с. 147]. Помимо эвристической функции метафизика выполняет и другие важные функции. Отказываясь от познания первых начал и ограничиваясь лишь познанием ближайших причин, а также не эксплицируя скрытых, молчаливо предполагающихся принципов, физи-

ка остается несовершенной [1, Т. 3, с. 453-454]. Стремясь объяснить все «через материю и движение» она ведет к отрицанию бестелесных существ и, как следствие, к атеизму. Религиозный мотив, безусловно, играл не последнюю роль в попытках Лейбница реабилитировать метафизику как науку. Но этот мотив не был единственным. Важнейшую задачу метафизики Лейбниц видел в экспликации скрытых принципов и уточнении общих понятий, которыми пользовалась физика, но в силу отсутствия практической необходимости не могла или не хотела этого делать. В абстрактных понятиях метафизики, утверждает Лейбниц, «содержатся принципы и связи самих образно представляемых вещей» [1, Т. 3, с. 453] Метафизические принципы и понятия делают феноменальные объекты физики более связными, а потому, и более реальными. Очевидно, это имеет в виду Лейбниц, когда утверждает, что «в них прежде всего заключено то, что есть реального в вещах, как это прекрасно заметили Аристотель и Платон в отличие от последователей школы атомистов» [1, Т. 3, с. 453]. Под несомненным влиянием Платона и прежде всего его диалога «Федон» Лейбниц пытается реабилитировать античное понятие реальности, которое было отброшено сторонниками механистической философии. Для Лейбница, как и для Платона, феномены, лишённые связи, есть только видимость. Лишь благодаря связям они становятся чем-то реальным и эту связь они получают не в последнюю очередь благодаря общим понятиям и принципам метафизики. Хотя принципы и общие понятия метафизики непригодны для объяснения частных явлений, они тем не менее предполагаются физикой и необходимы для обоснования общих принципов физики. Без такого обоснования физика будет несовершенной, а «математическая необходимость», убежден он, не может дать им такого обоснования.

Однако связь метафизики и физики носит обоюдный характер. Метафизические принципы, которые Лейбниц так же, как и понятие субстанции, рассматривает как гипотезы, получают свою реальность от физических принципов. Лейбниц исходит из того, что реальная физика уже фактически создана и нуждается только в усовершенствовании, реальную же метафизику предстоит только построить. Идея Лейбница состояла в том, чтобы эксплицировать те метафизические принципы, которые молчаливо предполагались физикой и были имманентны научному опыту. Как необходимые предпосылки реальной физики они также должны, считает Лейбниц, рассматриваться как реальные и необходимые принципы. Понятие субстанции, выступая как необходимая предпосылка этих принципов, получало свою реальность в том числе и от этих метафизических принципов, которые использовались или молчаливо предполагались физикой. В частности, принцип непрерывности, без которого многие законы физики были бы невозможны, по мнению

Лейбница, предполагает не только метафизический принцип порядка, но и понятие субстанции. Если мы признаем реальность законов физика, то мы должны, считает Лейбниц, признать и реальность понятия субстанции. Соглашаясь со сторонниками корпускулярной теории в том, что физика может и должна быть сведена к механике, Лейбниц, в отличие от своих оппонентов, полагает, что «в самих первых законах механики помимо геометрии и чисел есть нечто метафизическое в том, что касается причины и следствия, энергии и сопротивления, изменения и времени, сходства и детерминированности, что дает возможность перехода от математических предметов к реальным субстанциям» [1, Т. 3, с. 453]. Именно потому, что законы математической физики предполагают существование реальных субстанций возможен переход от феноменов к лежащим в их основе субстанциям. В этом методе обоснования реальности субстанции и метафизических принципов можно увидеть уже зачатки трансцендентального метода. Реальность феноменов, таким образом, зависит от реальности субстанции, акциденциями которой они выступают и которая призвана гарантировать их единство, реальность же субстанции зависит от реальности законов, связывающих эти феномены. Но Лейбница это не смущает. Напротив, он постоянно подчеркивает, что реальная метафизика должна согласоваться с физикой, ареальная физика - опираться на реальную метафизику. Обе науки взаимно дополняют друг друга и эта функциональная зависимость определяет специфику лейбницианского понятия метафизики, на которую обратил внимание Гегель, указавший на то, что метафизика Лейбница больше напоминает гипотезы физиков, чем метафизику в ее классическом понимании. Действительно, для Лейбница метафизические теории, как и метафизические понятия и принципы, суть гипотезы, которые получают свою реальность и становятся достоверными только благодаря своей связи с физикой. Но достоверность их может быть только физической. Основная ошибка сторонников метафизической интерпретации философии Лейбница состояла, как нам кажется, в том, что они не поставили вопрос о гносеологическом статусе метафизического знания. Метафизические теории для Лейбница остаются гипотезами, как бы активно он ни пытался доказать их реальность. Но может ли гипотеза, пусть даже и самая достоверная, быть основанием необходимых истин логики или математики? На этот вопрос Лейбниц давал однозначно отрицательный ответ. Неудивительно, что работа И. Папэ, в которой она доказывала наличие метафизических предпосылок в учении Лейбница об истине, вызвала столь живой интерес. Однако аргументация И. Папэ страдает рядом существенных погрешностей. Прежде всего она не обращает внимание на то, что Лейбниц использует интенциональную логику, и не задается вопросом, почему Лейбниц отказывается от классического поня-

тия истины и выбирает отличный от классической критерий истины. Согласно Лейбницу, «в истинном высказывании понятие предиката всегда входит в субъект» (“semper enim notio praedicati inest subjecto in propositione vera”) [9, S. 52]. Как указывает В. Риссе, уже Ф. Суарес считал, что истины, подчиняющиеся только принципу противоречия, не предполагают существования их вещественного коррелята и существуют независимо от него в качестве так называемых вечных истин. В качестве критерия такого рода истин он рассматривал возможность включения одного понятия в другое, а именно тождественность субъекта и предиката в тех свойствах, которые имеют определяющее значения для вынесения суждения [13, S. 28]. Однако в этом Лейбниц следует не неосхоластике, а учению о необходимых истинах И. Юнга, который ориентировался не на религиозные, а на математические истины. Лейбниц был прекрасно знаком с экстенциональной логикой, получившей широкое распространение в поздней схоластике. Он, в частности, знал, что схоластики иначе рассматривают отношение между субъектом и предикатом. Тем не менее он отдает предпочтение интенциональной логике, которая исследует связь идей, а не связь «примеров». Но вопрос, почему он старается ограничиться исследованием связи идей, Лейбниц дает однозначный ответ: «потому что они не зависят от существования индивидуальных вещей» (“quia ab individuarum existentia non pendent”) [9, Bd. II, S. 53]. Он разрабатывает такое понятие истины, которое не зависело бы от существования отдельных вещей. Предложенный Локком критерий истины не устраивает его прежде всего потому, что он предполагает существование вещей, а потому и не применим к необходимым истинам.

Вопрос о природе необходимых истин, для него, как и для многих его современников, был одним из центральных. От его решения зависело будущее не только метафизики как науки, но и научный прогресс вообще. Именно поэтому он при решении практически каждого вопроса обращается к математике, поскольку убежден, что математические истины имеют всеобщий и необходимый характер. Лейбниц не сомневается в их существовании. Тем не менее, в его системе «доказательной философии» они, вопреки утверждению И. Папэ, не выступают в качестве метафизических предпосылок. Они не являются даже абсолютно первыми истинами. Таковыми для Лейбница являются истины опыта, в частности декартовское «Я мыслю». К необходимым истинам, считает Лейбниц, мы приходим через истины опыта, а именно, они познаются нами благодаря рефлексии, сопровождающей наши восприятия. В письме к леди Мэшем он прямо указывает на это, подчеркивая, что «наши собственные восприятия иногда сопровождаются рефлексией, а иногда нет, из рефлексии же рождаются абстракции и всеобщие и необходимые истины»

[1, Т. 2, с. 581]. Однако опыт для Лейбница является исходным пунктом познания, но не основанием всеобщих и необходимых истин. Лейбниц четко разграничивает контекст познания и контекст обоснования. И хотя он рассматривает рефлектирующий разум как источник всеобщих и необходимых истин, утверждая, что они рождаются из рефлексии, он все же не отождествляет контекст возникновения и контекст обоснования, как это делает Локк и традиционная натурфилософия. Вопрос о происхождении истин он считает малоинтересным с точки зрения познания истины. И если он говорит о врожденности необходимых истин, то это его утверждение означает только то, что необходимые истины не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты опытом. В другом письме к леди Мэшем он пишет, что «источник необходимых истин врожден нашему уму, так как опыт и наблюдения чувств никогда не в состоянии доказать, что такая истина необходима и будет всегда признаваема за таковую» [1, Т. 2, с. 606]

Сторонники метафизической интерпретации философии Лейбница не только не учитывают этого различия между контекстом познания и контекстом обоснования, они не эксплицирует основной гносеологический мотив его философии, который выражен прежде всего в стремлении преодолеть ограниченности догматизма, характерного для схоластиков, и скептицизма, который был во времена Лейбница особенно популярен среди французских философов. В письме к С. Фуше Лейбниц подвергает критике взгляд скептиков, согласно которому всякое утверждение о существовании чего-то реального вне нас является гипотетической истиной. Лейбниц усматривает в этом взгляде противоречие: если утверждение скептиков, что реальное существование чего-то вне нас есть гипотеза, претендует на истинность, то мы должны признать тем самым реальное существование чего-то вне нас, поскольку «сама истинность гипотетических предложений является чем-то существующим вне нас и не зависящим от нас» [1, Т. 3, с. 268]. Согласно Лейбницу, «все гипотетические предложения утверждают возможное существование или несуществование той или иной вещи или ее противоположности и, следовательно, исходят из того, что предположение о взаимном существовании двух взаимно согласующихся вещей либо одной какой-либо вещи само по себе возможно или невозможно, необходимо или безразлично; причем эта возможность, невозможность или необходимость (ибо необходимость вещи есть невозможность ее противоположности) отнюдь не есть какая-нибудь химера, которую мы воображаем, поскольку мы признаем ее лишь как факт постоянный и от нас независящий» [1, Т. 3, с. 268] По мнению Лейбница, всякое асерторическое суждение, утверждающее реальное существование или несуществование чего-то, предполагает уже существование необходи-

мой истины, выражающей возможность или невозможность того, что утверждается в ассерторическом суждении. Отсюда Лейбниц делает метафизический вывод, что, во-первых, сама эта возможность их существования или несуществования является первичной по отношению ко всем наличествующим вещам и, во-вторых, «возможность и необходимость образуют и составляют то, что именуется сущностями или природами, и составляет истины, которые обыкновенно называют вечными» [1, Т. 3, с. 268] Очевидно, что мы имеем дело с метафизической экспликацией, которая не имеет никакого отношения к проблеме существования необходимых истин. Это вытекает из того, как Лейбниц понимает существование. Для разъяснения своей позиции Лейбниц опять обращается к математике и приводит пример, который мы встречаем также у Августина и который легко принять за онтологическое допущение, а именно, вслед за Августином он утверждает, что природа круга и его свойства есть нечто реально существующее и вечное. Однако это утверждение нельзя рассматривать как онтологический постулат, лишенный каких-либо гносеологических оснований. Лейбниц указывает на два признака математических истин, которые позволяют нам говорить о их реальном существовании. Во-первых, это то, что они воспринимаются всеми людьми одинаково. При этом Лейбниц предупреждает, что это единство не следует понимать в духе субъективизма как простое совпадение мыслей, обусловленное природой человеческого духа. Если бы это было так, то нельзя было бы объяснить то, почему необходимые истины находят свое подтверждение в опыте, и как возможно применение математических истин к действительности. Чтобы предупредить подобную ложную интерпретацию и избежать связанных с ней трудностей, Лейбниц указывает на второй признак необходимых истин, а именно на то, что они находят свое подтверждение в опыте. «Дело в том, - замечает он, - что явления и опыт подтверждает это согласие, коль скоро некое видимое подобие круга воздействует на наши чувства» [1, Т. 3, с. 268] Необходимые истины имманентны опыту и вместе с тем не зависят ни от природы человеческого духа, ни от опыта, и именно эту независимость Лейбниц рассматривает как достаточное основание для признания их реального существования. И лишь в контексте чисто метафизического вопроса, почему математические истины воспринимаются всеми одинаково, хотя они не зависят ни от природы человеческого духа, ни от внешнего опыта, он выдвигает как наиболее вероятную гипотезу, что «существует некая постоянная причина вне нас, которая действует так, что все, кто об этом размышляет, находит то же самое» [1, Т. 3, с. 268]. Эта трансцендентная причина, очевидно, и является источником необходимых истин и основанием того, что и необходимые истины имеют трансцендентное существова-

ние и потому могут предшествовать в плане своего бытия существованию реальных вещей. Но сам Лейбниц предупреждает против того, чтобы смешивать метафизический и гносеологический аспект рассуждений. Он совершенно определенно указывает, что «хотя существование необходимостей и само по себе, и в порядке природы является первичным, я полагаю все же, что оно не первично в порядке нашего познания» [1, Т. 3, с. 268]. При доказательстве реального существования необходимых истин мы должны исходить из того, что первично для нас, т.е. из внутреннего опыта. Приведенное выше доказательство реального существования необходимых истин он рассматривает как именно такое доказательство. В частности, в этом же письме к С. Фуше он пишет, что «доказывая существование необходимостей, я, как Вы заметили, исхожу из признания того факта, что мы мыслим и обладаем чувствами» [1, Т. 3, с. 268]. Внутренний опыт, согласно требованию Лейбница, должен служить исходным пунктом при доказательстве реального существования необходимых истин, если мы, конечно, стремимся к достоверному познанию истины. Важно и то, что Лейбница интересует не проблема истины как таковой и даже не вопрос о ее критериях, а вопрос о достоверном познании истины. Это можно рассматривать как достаточное основание для того, чтобы признать, что в вопросе об истине у него не может быть речи ни о каких метафизических предпосылках. И. Папэ не обратила внимания на постановку вопроса и, как следствие, не смогла эксплицировать основные методологические принципы его философии. Из вышеприведенного письма к С. Фуше видно, какое большое значения для Лейбница имеет заимствованное у Аристотеля разграничение «порядка познания» и «порядка природы» Все рассуждения вращаются в рамках этих двух фундаментальных контекстов, без учета которых, как нам кажется, невозможно правильное понимание проблемы соотношения логики и метафизики. Следуя критическому духу своей эпохи, проявлявшей исключительный интерес в проблеме познания вообще и проблеме достоверного знания в частности, Лейбниц старается строить свою систему в соответствии с «порядком познания». Исходным пунктом его системы, как и для многих его современников, становится гносеологический субъект. Но в отличие от представителей «новой философии», которые ограничивались этой точкой зрения, Лейбниц считает необходимым принимать во внимание и «порядок природы», который является конечной целью познания. Поэтому один и тот же вопрос, как это видно на примере спора о необходимых истинах, он рассматривает часто и с гносеологической («порядок познания») и с метафизической («порядок природы») точки зрения. Но метафизика, раскрывающая порядок природы, это предмет его устремлений, достижение которого важно прежде всего для реше-

ния религиозных проблем. Именно поэтому метафизику Лейбниц рассматривает как часть естественной теологии. Что же касается познания природы, то здесь, как часто подчеркивает сам Лейбниц, ссылки на Бога без достаточных на то оснований нежелательны. Иначе говоря, истинная метафизика, как и математическое естествознание, должна строиться без метафизических предпосылок и каждое ее положение должно строго быть обосновано. И это входит в задачу логики, которую Лейбниц понимал гораздо шире, чем многие его современники. В предисловии к изданию сочинения Мариа Низолия он писал, что «истинная логика является не только инструментом, но и в какой-то мере содержит в себе принципы и истинный метод философствования, ибо она дает те общие правила, следуя которым можно отличить истинное от ложного и, присоединяя к ним лишь немногие дефиниции и эксперименты, доказать все заключения» [1, Т. 3, с. 63].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лейбниц Г. В.** *Сочинения* в 4-х т. - М., 1982-1989.
2. **Cassirer E.** *Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit.* - Berlin, Bd. 2, 1907.
3. **Gurvitsch A.** *Leibniz. Philosophie des Panlogismus.* - Berlin-New York, 1974.
4. **Hochstetter E.** *Von der wahren Wirklichkeit bei Leibniz // Leibniz' Logik und Methaphysik.* Hrsg. A. Heinekamp und F. Schupp. - Darmstadt, 1986.
5. **Horn J.Ch.** *Die Struktur des Grundes. Gesetz und Vermittlung des ontischen und logischen Selbst nach G.W. Leibniz.* - Ratingen-Wuppertal-Kastellaun, 1971.
6. **Kaupi R.** *Uberdie Leibnizsche Logik.* - Hellsinki, 1960.
7. **Marschlich A.** *Die Substanz als Hypothese // Leibniz' Metaphysik des Wissens.* - Berlin, 1997.
8. **Leibniz G.W.** *Sattliche Werke und Briefe,* hrsg. von Akademie der Wissenschaften zu Berlin. - Berlin, 1926.
9. **Leibniz G.W.** *Die Philosophischen Schriften,* hrsg. von C.I. Gerhardt. - Hidesheim, Bd. I-VII, 1875-1890.
10. **Leibniz G.W.** *Philosophische Schriften. Bd.4: Schriften zur Logik und zur philosophischen Grundlegung von Mathematik und Naturwissenschaft.* Hrsg. von H. Herring. - Frankfurt a. Main, 1996.
11. **Leibniz G.W.** *Textes inedits* publies par G. Grua. - Paris : PUF, 1948.
12. **Pape I.** *Leibniz. Zugang und Deutung aus dem Wahrheitsproblem.* - Stuttgart, 1949.
13. **Risse W.** *Zur Klassifizierung der Urteile und Schlusse duch Leibniz // Studia Leibnitiana.* - Wiesbaden, Bd. 1, 1969.
14. **Schepers H.** *Begriffsanalyse und Kategorialsynthese // Leibniz' Logik und...,* 1986.